

Alec Drake

Мир 1941

САПЁР 41-ГО

(ПОПАДАНЕЦ. Я ЗНАЮ, ГДЕ УДАРЯТ ЗАВТРА)

У НЕГО НЕТ ПРАВА НА ОШИБКУ.
ПОТОМУ ЧТО ОН УЖЕ ВИДЕЛ ЗАВТРА.

Alec Drake

**Сапёр 41-го (Попаданец. Я
знаю, где ударят завтра)**

«Автор»

2026

Drake A.

Сапёр 41-го (Попаданец. Я знаю, где ударят завтра) / А. Drake — «Автор», 2026

Они сгорят. Все. До одного. Он уже это видел. Июнь 1941-го. Колонны идут прямо в ад, не зная, что через часы их разорвут бомбами. Мосты станут могилами. Дороги — мясорубками. Командиры ещё верят в приказы. Штабы — в карты. Солдаты — в то, что их не бросят. Он знает правду. Он — сапёр. И он знает, где завтра ударят. Но знание — это приговор. Попробуй предупредить — тебя сочтут паникёром. Попробуй изменить — тебя могут пристрелить свои же. Остаётся одно: действовать тихо. Заминировать там, где враг ещё не появился. Сорвать переправу до того, как по ней пойдут танки. Убить будущее чтобы кто-то выжил. Каждый его шаг — это выбор: спасти десятки сейчас или попытаться изменить всё — и погибнуть раньше времени. Он не должен был здесь оказаться. Но если он уже здесь — кто-то должен остановить первый удар. Даже если для этого придётся взорвать полмира. Он попал в 1941-й и видит будущие удары войны. Теперь у него есть шанс изменить первые катастрофы.

Содержание

Глава 1. Попутного ветра, гражданский	5
Глава 2. Брест не спит	8
Глава 3. «Оставить, как есть»	11
Глава 4. Чужие тоннели	15
Глава 5. Где ляжет тень	19
Глава 6. Первый гром (22 июня, 03:15)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Alec Drake

Сапёр 41-го (Попаданец. Я знаю, где ударят завтра)

Глава 1. Попутного ветра, гражданский

Тишина была неправильной.

Она не походила ни на городскую – с её спектром белого шума от кондиционеров и шин, – ни на лесную, которую Денис знал по учениям. Эта тишина была плотной, как вода перед штормом. В ней не пели птицы.

Он лежал лицом вниз на чём-то мягком и влажном. Трава. Пахло землёй, прелыми листьями и – отчётливо, нестерпимо – порохов. Старый порох, не тот, что в современных гильзах с унитарным зарядом. Какой-то другой. Дымный, что ли.

Денис открыл глаза.

Над ним колыхались кроны сосен. Небо было неестественно синим – тем самым советским синим с плакатов «Родина-мать зовёт!». Он попытался сесть и едва не взвыл от резкой боли в левом боку. Ребра? Нет, просто ушиб. Кажется.

– Твою мать, – прошептал он. Голос прозвучал чужим. Срывающимся.

Последнее, что он помнил, – лабораторию в подмосковном Фрязино. Институтская командировка. Он проверял прототип магнитометра для поиска старых минных полей. Какое-то замыкание. Вспышка. И пустота, похожая на глубокий обморок без сновидений.

Денис Родин, тридцать четыре года, кандидат технических наук, инженер-сапёр четвёртого разряда (не работал по специальности семь лет, но квалификацию подтверждал раз в два года). Историей увлекался на уровне Ютуб-каналов и мемуаров. Никогда не верил в попаданцев. Считал себя прагматиком.

Прагматик медленно поднялся на четвереньки.

Одежда была чужой.

Вместо тактического хлопка «Горка» и нормальных ботинок – гимнастёрка. Грубая, колючая, с непривычно стоячим воротником. Штаны-галифе, заправленные в кирзовые сапоги. Размер маловат, но в целом его. На поясе – кожаная кобура с чем-то тяжёлым внутри.

Денис вытащил оружие с рефлексом, вбитым ещё в армии – десять лет назад, но тело помнило.

ТТ. Стертый номер. Один патрон в патроннике, магазин полный. Затвор взведён.

– Блин, – сказал он тихо.

В кармане гимнастёрки лежал красноармейский медальон – чёрная капсула-«смертник» на шнурке. Денис разломал его промасленными пальцами. Внутри – бумажка с карандашными каракулями: «Родин Денис Игоревич, 1907 г.р., урож. г. Иваново, призван Фрунзенским РВК». В графе «должность» значилось: «сапёр, 18-я отдельная инженерная рота».

Он не читал про такую роту. Но дата призыва стояла: 12 июня 1941 года.

– Господи, – Денис перекрестился машинально, хотя всю жизнь считал себя атеистом. – Господи, дайте мне проснуться.

Ничего не произошло.

Лес начинал жить.

Где-то далеко, за гранью слышимости, ухало – не то гром, не то артиллерия. Денис прислушался. Нет, скорее индустриальный шум. Или всё-таки канонада? Современное ухо не умело отличать войну от стройки.

Он встал. Голова кружилась, но терпимо.

Выбрался на просёлок – грунтовку, разбитую колёсами. Следы свежие: шины с крупным протектором. Военные грузовики? Не похоже. ГАЗ-АА оставлял другой рисунок. Может быть, «Опель-Блиц»? Он видел картинки.

Автоматически, как учили на курсах выживания, Денис оценил местность.

Слева – лес. Справа – поле, уже скошенное, с торчащими жёсткими стернями. В двухстах метрах – развилка. Столб с указателями. Один щит сбит, на втором – покорёженная табличка на русском и польском.

Довоенная граница? Он присмотрелся.

Надпись была на деревянной дощечке выжжена: «Государственная граница СССР». С одной стороны звезда, с другой – орёл, наполовину содранный.

Денис сел прямо на дорогу, уронив голову в ладони.

В голове щёлкнуло, как при смене слайда.

Он вдруг понял – нет, не понял, кожей ощутил – время года. Июнь. Жара сбивает запахи. Черника только начинает синеть. Земля ещё не напиталась кровью.

Точную дату он узнает позже. От кого-то. Но интуиция, обострённая до паранойи, уже докладывала: ты в сорок первом. Ты на западной границе. И до того момента, когда колонны пойдут прямо в твои минные поля, осталось...

Сколько?

Денис заставил себя дышать медленно, как учили на психологической подготовке.

Паника – это смерть. Паника – это ошибка. Паника – это когда ты выбегаешь на дорогу и тебя сбивает грузовик с красными звёздами, и ты не успеваешь ни предупредить, ни закопать, ни взорвать.

Он не знал, зачем ему взрывать. Но внутри уже горела уверенность: зачем-то. Не просто так его бросили сюда с заведённым ТТ и медальоном, где почти его фамилия.

Раздался шум мотора.

Денис рефлекторно скатился в кювет, выхватывая пистолет. Виновато убрал обратно – немцы бы уже стреляли.

Из-за поворота вынырнул грузовик. Студебеккер? Нет, рано для них. Полуторка. ГАЗ-АА, заляпанный грязью по самые фары. В кузове – бойцы в пилотках, человек десять. У некоторых винтовки СВТ. У старшины в кабине – ППД, дисковый магазин.

Машина затормозила так резко, что зад повело.

– Ты чей, боец? – высунулся старшина. Лицо в пыли, глаза насторожённые.

Денис открыл рот.

Сказать правду? «Я из будущего, я знаю, что через несколько дней начнётся война» – мгновенный трибунал. Паникёр. Вредитель. Расстрел на месте – такая практика уже была в тридцать седьмом, расстреливали и за меньшее.

– Из восемнадцатой отдельной, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал глухо, по-уставному. – Отстал от подразделения. Ведут на переформирование.

Старшина смерил его взглядом. Повисла долгая, невыносимая пауза.

– Садись в кузов. Догоним твоих.

Денис закинул в кузов своё новое тело с старым сознанием. Солдаты молча подвинулись. Кто-то курил махорку, не глядя на него.

Он сел, прислонившись спиной к борту.

И позволил себе закрыть глаза на три секунды. За это время он успел вспомнить главное: операция «Барбаросса» началась 22 июня 1941 года. Мосты через Буг были захвачены немецкими диверсантами в первые часы. Минские укрепрайоны пали, потому что склады с боеприпасами взорвали по приказу отступающих.

Он знал, где ударят завтра.

Но сегодня – сегодня он был просто гражданским в чужой форме. Без документов, без подтверждения, без единого шанса быть услышанным.

Грузовик подпрыгнул на колдобине.

И тишина кончилась.

Примечание для картографа (запись в блокноте протагониста)

Место: предположительно в 8 км юго-западнее Бреста. По рельефу – холмистая гряда, в овражках сыро. Дорога на карте 1938 года обозначена как «проселочная, проходимая для всех видов колёсного транспорта». Сейчас – вся в выбоинах.

Ориентир – сломанный колодец с журавлём на опушке. Если я прав, то по прямой до моста через Буг – четырнадцать километров. До границы – семь.

Граница будет прорвана здесь. В 4 утра. Танки 3-й танковой группы. Пехота 45-й пехотной дивизии.

У меня нет миноискателя.

У меня нет взрывчатки.

У меня нет ничего, кроме этого ТТ и знания, которое никто не примет.

Значит, придётся добывать.

22 июня. Я запомнил эту дату, когда учился в школе.

Теперь я в ней живу.

И – поехали.

Глава 2. Брест не спит

Брест пах гарью и сиренью.

Странное сочетание – цветочный дурман с примесью угля и ещё чего-то неуловимого, отчего у Дениса сжимались зубы. Этиловый спирт? Медицинский? Он вспомнил: так пахнут госпитали в фильмах про войну. Стерильность, которая вот-вот кончится.

Полуторка въехала в город через северный пост. Часовой с винтовкой – молодой, до ужаса молодой, лет семнадцати, – махнул рукой, даже не проверив документы. Старшина только отсалютовал двумя пальцами к козырьку.

«Раздолбайство», – подумал Денис современным словом. А потом поправил себя: «Беспечность. Смертельная».

Город жил странной, истеричной жизнью. По улицам сновали гражданские с узлами и чемоданами – не беженцы ещё, но уже не мирные люди. У хлебной очереди толклись женщины в ситцевых платьях. У военкомата – человек двадцать командиров с планшетками, перекрикивающихся, как на базаре.

– Война, что ли? – спросил Дениса парень слева, совсем зелёный, с пушком над губой.

Денис посмотрел на него. У парня на гимнастёрке болтался автоматный подсумок, но самого автомата не было.

– Нет пока, – ответил Денис. – Будет.

Солдаты в кузове затихли. Парень хотел спросить ещё, но грузовик резко свернул, и все попадали друг на друга.

Расположение части оказалось западнее крепости. Не сама крепость – Денис узнал её издали по каменным зубцам, – а полевой лагерь под самой стеной. Тентованные палатки рядами. Коновязи без лошадей. Кухня дымила, хотя обед давно прошёл.

Восемнадцатая отдельная инженерная рота, к которой приписали Дениса, квартировала в трёх землянках с низкими потолками. Старшина – тот самый, с полуторки – спихнул его с борта, мол, приехали.

– Ты иди к комроты, – буркнул он. – Товарищ старший лейтенант Панфилов. Скажешь, отсталый. Он в крайней палатке с флажком.

Крайняя палатка была отмечена не флажком, а красной тряпкой на шесте. Денис остановился у входа, услышал голоса.

– Я вам говорю, товарищ старший лейтенант, немцы технику подтягивают! – Голос дрожал. – Я вчера ночью сам видел, за Бугом, колонны, светомаскировку нарушали.

– Вы, лейтенант, параноик, – ответил второй голос, спокойный, командный. – Директива из округа: никаких провокаций. Ещё слово – пойдете к особисту.

Денис вошёл, не постучав.

В палатке стоял складной стол, заваленный картами. Два человека: один в звании лейтенанта, с горячечными пятнами на щеках; второй – подтянутый, аккуратный, в новеньких погонах (нет, без погон, это позже, в петлицах кубики). Старший лейтенант. На вид – тридцать пять.

Оба уставились на Дениса.

– Я... – Денис запнулся. Что сказать? «Отстал от подразделения» – этот поезд уже ушёл. Его могли запомнить. Нужно что-то другое. Он вытянулся: – Красноармеец Родин, прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Панфилов – а это, видимо, был он – положил руки на стол. Пальцы длинные, не сапёрные. Скорее штабные.

– Родин, – повторил он. – В списках вас нет. Откуда вы?

– Направление из Фрунзенского РВК, – соврал Денис так убедительно, как мог. – Телеграмма должна была прийти. Я по специальности сапёр, инженерное дело, три разряда.

Панфилов молчал три удара сердца. Потом кивнул на лейтенанта с горячечными пятнами:

– Выйдите, Голубев.

Лейтенант вышел, бросив на Дениса быстрый, цепкий взгляд.

Они остались вдвоём.

– Теперь, Родин, – произнёс старший лейтенант тихо, почти ласково. – Смотрите мне в глаза. Вы не из наших краёв. Говор у вас... неправильный. Литературный, что ли. И смотрит человек, который войны не нюхал. – Он вдруг наклонился вперёд, понизил голос до шёпота: – Откуда вы на самом деле?

Денис почувствовал, как холодок пробежал по спине. Тот самый момент, когда притворяться бессмысленно.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал Денис, чувствуя, как пересыхает горло. – Вы мне, не поверите. Но я знаю, что через... – он запнулся, не зная дату, – через несколько дней начнётся война. Немцы нападут. Без объявления. Брест падёт в первые сутки.

Панфилов не рассмеялся. Не побледнел. Не схватился за пистолет.

Он просто закрыл глаза.

– Значит, не один, – прошептал он. – Вы тоже это видите? Сны? Картинки?

– А вы? – опешил Денис.

Панфилов открыл глаза. В них была усталость, которой не должно быть у человека в тридцать пять лет.

– Я не вижу. Но мой отец – он в прошлую войну прапорщиком был – говорил: «Когда брат на брата пойдёт, земля гудит под ногами за месяц». Она гудит, Родин. Уже три недели. И никто, кроме меня, не слышит.

Наступила тишина, нарушаемая только жужжанием мухи над картой.

– Война будет, – сказал Денис твёрдо, понимая, что либо сейчас, либо никогда. – Нападение 22 июня. Ранним утром. Авиация сначала по аэродромам, потом танки через переправы. Ваш мост, – он ткнул пальцем в карту, в синюю линию Буга, – захватят диверсанты в гражданском. В первую же ночь.

– Почему вы так уверены? – Панфилов задал вопрос без надежды на ответ.

– Потому что я оттуда, – Денис показал глазами в потолок, в небо, в будущее. – Оттуда, где это всё уже было. Где двадцать семь миллионов... – он осекся. Сказать про человеческие потери? Рассекретить исход войны? Нет. Слишком рискованно. – Я знаю даты, места и направления ударов. Я знаю, где завтра упадут бомбы.

Панфилов усмехнулся. Спокойно, без истерики.

– Значит, по-вашему, я должен доложить комдиву, что красноармеец Родин – ясновидящий. Прикажу снять склады с колёс. Объявлю тревогу. И завтра меня и вас расстреляют как паникёров. Это вы называете «сделать»?

– Нет, – Денис наклонился к карте. – Я предлагаю другое. Вы не разрешаете, вы не замечаете. А я – я просто ставлю мины там, где их не должно быть. Если война начнётся, я стану героем. Если нет – штрафбат. Либо так, либо никак.

Панфилов долго смотрел на него. Потом сгрёб карты в планшет.

– Завтра в пять утра получите взрывчатку, – сказал он. – Расходники – на складе у прапорщика Ковальчука. Скажете, по моему личному распоряжению. Если спросит зачем – ответите «спецзадание». – Он поднялся. – И Родин. Если вы окажетесь правы – я буду первым, кто скажет вам спасибо.

Он вышел из палатки.

Денис остался один.

Муха села на карту, туда, где нарисована крепость. Брестская крепость. Иллюзия неприступности.

Ночью Брест не спал. Денис лежал на нарах в общей землянке, слушал храп красноармейцев и вслушивался в тишину за стенами.

В три часа ночи город вздрогнул – далёкий, тяжёлый гул, похожий на грозу.

– Что это? – спросил кто-то спросонья.

– Поезд, – ответил другой. – Бронепоезд гоняют, учения.

Денис знал, что это не поезд. Это копали окопы за Бугом. Немецкие сапёрные батальоны. До начала вторжения оставалось двенадцать суток.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить всё. Каждый удар, каждый манёвр, каждую дату. Операция «Барбаросса». Танковые клинья Гудериана и Гота. Минский котёл. Смоленск. Он должен был не просто помнить – он должен был действовать.

В соседней землянке кто-то затянул песню, древнюю, полузабытую:

Вставай, страна огромная...

Денис уснул под слова, которых не могло быть в мирном небе 1941 года.

Потому что их ещё не написали.

Дневниковая запись (нацарапано на обороте военного билета)

Л. 14.06.1941. Брест. 23:45.

Панфилов – странный. Верит или делает вид. Проверим завтра. Склад со взрывчаткой охраняет прапорщик, который знает каждого сапёра в лицо. Моё лицо он не знает. Это проблема.

Но больше проблема – время.

Отсюда до моста через Буг – полтора километра по прямой. Если диверсанты придут, они придут ночью. Им нужен мост. Им нужен транспорт. Им нужна тишина.

Я дам им тишину.

Вечную.

P.S. Надо перестать подписывать «Л». Документы на имя Родина.

P.P.S. Господи, если ты есть, растяни мне время. Хотя бы две недели. Я успею заложить три фугаса. Всего три.

А потом – пусть начинают.

Глава 3. «Оставить, как есть»

Утро пятнадцатого июня выдалось душным, как предгрозовой компресс.

Дениса разбудил голос Панфилова – спокойный, чуть насмешливый, как у человека, который уже принял решение и не собирается его менять.

– Подъём, Родин. К восьми ноль-ноль быть при полной выкладке у штабной палатки. У вас сегодня разговор с комбатом.

– С комбатом? – Денис сел на нарах, мгновенно проснувшись. – Я думал, вы и есть командир роты.

– Я командир роты, – кивнул Панфилов. – А комбат – это батальонный. И он хочет на вас посмотреть. Вы произвели впечатление.

– Какое?

– Нехорошее.

Штабная палатка 7-го инженерно-сапёрного батальона стояла в глубине лагеря, у самой стены крепости. Вокруг сновали посыльные, писаря, какой-то капитан с красной повязкой на рукаве. В воздухе пахло махоркой, потом и – отчётливо – страхом.

Денис узнал этот запах. На учениях, когда задерживали взрыв с неисправным детонатором, он чувствовал что-то похожее. Звериный, подкорковый ужас, который люди пытаются заглушить деловитостью.

Внутри палатки было тесно.

За походным столом сидели трое. Комбат – майор с тяжёлым, одутловатым лицом, в петлицах два «шпалы». Слева от него – особист, лейтенант госбезопасности, которого Денис запомнил по щенячьей, неподходящей для его должности улыбке. Справа – незнакомый капитан с планшетом, исписанным мелким бисерным почерком.

– Красноармеец Родин? – майор даже не поднял головы, читал какую-то бумагу. – Стоять смирно. Имя.

– Родин Денис Игоревич.

– Год рождения.

– Тысяча девятьсот седьмой, – Денис назвал дату из медальона.

Майор поднял глаза. Взгляд – тяжёлый, протрезвляющий.

– По документам – седьмой. А на вид – тридцать семь? Максимум? – Он откинулся на стуле. – Вы, Родин, самый молодой тридцатичетырёхлетний красноармеец, которого я видел. И самый подозрительный.

– Разрешите обратиться, товарищ майор?

– Не разрешаю. – Майор переглянулся с особистом. – Старший лейтенант Панфилов доложил, что вы вчера сделали ряд заявлений... пораженческого характера. Это так?

Денис на секунду закрыл глаза. Панфилов? Сдал? Нет. Скорее, доложил по форме. Потому что обязан был доложить.

– Так точно, – сказал он. – Я заявил, что в ближайшие дни ожидается нападение Германии на Советский Союз. И что наша оборона на западном направлении не готова.

Тишина стала плотной, как перед взрывом.

Особист перестал улыбаться.

– Вы, Родин, откуда такие сведения имеете? – спросил он вкрадчиво. – Слушали вражеские голоса? Читали листовки?

– Я знаю, – Денис посмотрел ему прямо в глаза, – потому что видел это. Я не могу объяснить, откуда. Но я знаю направления танковых ударов, дату начала вторжения и то, что Брестская крепость будет в кольце через два часа после начала войны.

– Псих, – прошептал капитан с планшетом. – Точно псих.

– Не псих, – поправил майор. – Вредитель. Или провокатор. – Он встал, обошел стол. Навис над Денисом. – Вы понимаете, что за такие разговоры – к стенке? В военное время – тем более. Но мы не воюем. Пока. Поэтому я даю вам шанс.

Денис молчал.

– Вы откажетесь от своих слов. Напишите объяснительную, что пошутили или перепили. Получите десять суток губы – и забудете этот разговор как страшный сон. – Майор почти ласково положил руку ему на плечо. – Или – трибунал. Выбирайте.

Денис посмотрел на руку майора. Потом – на карту, лежащую на столе. Карта была старой, польской, с нанесёнными красным карандашом квадратами. Он узнал расположение своих будущих минных полей.

– Не откажусь, – сказал он.

Майор убрал руку.

– Зря.

Допрос – а это был именно допрос, как бы его ни называли – продолжался ещё час.

Задавали одни и те же вопросы: где служил, кем работал до призыва, почему нет военно-учётной специальности. Денис врал так искусно, как только мог, перемежая правду (инженер, сапёр, разряды) с выдумкой (работал на стройке в Свердловске, не служил по состоянию здоровья, переосвидетельствован в 41-м).

Особист записывал каждое слово, иногда переспрашивая, уточняя детали. Любительский почерк, каллиграфический, будто писал не протокол, а письмо невесте.

В конце майор вынес резолюцию:

– Красноармеец Родин Д.И. за распространение ложных, панических слухов, наносящих ущерб обороноспособности, подлежит направлению в дисциплинарный порядок... – он сделал паузу, перечитал бумагу, – в 18-ю отдельную инженерную роту на должность рядового сапёра. С понижением в должностных правах и без права перевода в другие части до особого распоряжения.

– То есть в мою роту? – Панфилов, стоявший всё это время у входа в палатку, подал голос в первый раз.

– В вашу, старший лейтенант. Пусть там доказывает свою преданность Родине. Взрывчаткой. В полях. – Майор усмехнулся. – Если не подорвётся раньше, чем начнётся его «война».

Дениса вывели из палатки.

На улице солнце стояло уже высоко. Часы показывали половину десятого. До вторжения – семь дней.

Панфилов догнал его у крыльца.

– Я предупреждал, Родин. Словами здесь ничего не докажешь. – Он достал папиросу, закурил. – Но вы – молодец. Не сломались.

– Спасибо, – глухо ответил Денис. – Что дальше?

– А дальше – работа. Вы получите положенные три кило тротила в сутки, бикфордов шнур, капсюли-детонаторы, сапёрную лопатку и карту, где отмечены наши минные поля. – Панфилов выдохнул дым. – Остальное – ваша головная боль. Прапорщик Ковальчук выдаст всё по накладной.

– А если я поставлю мину там, где её не должно быть?

– Я не замечу. – Панфилов улыбнулся одними глазами. – Я очень рассеянный командир. Особенно ночью. Особенно когда под мостами кто-то копается.

Он ушёл, оставив Дениса стоять посреди лагеря.

18-я отдельная инженерная рота, куда его определили, оказалась сборочным пунктом для «штрафников по глупости».

Здесь служили те, кто перепил, подрался, не исполнил приказ, усомнился в начальстве. Те, кто слишком громко спорил о политике. Те, кого не успели расстрелять или отправить в лагерь, но уже не доверяли.

– Новенький? – спросил пожилой красноармеец, чистивший винтовку у входа в землянку. – По какой статье?

– По умственной, – буркнул Денис.

– А, провидец. – Старик сплюнул. – У нас таких двое уже. Один говорит, что война будет в июле. Второй – что в августе. А ты когда предсказываешь?

– Через неделю.

Старик перестал чистить винтовку.

– Самый ранний срок, – сказал он задумчиво. – Значит, самый умный. Или самый сумасшедший. – Он протянул руку: – Ефимыч. Сапёр со стажем. Двадцать лет подрывал всё, что не приколочено.

Денис пожал руку. Ладонь у Ефимыча была мозолистая, с намертво вьёвшейся в кожу землицей.

– Родин.

– Знаю. Уже доложили. – Ефимыч кивнул в сторону штаба. – Ты, паря, главное – язык за зубами держи. Здесь свой не свой – один хрен у соседа стукач под койкой спит.

Денис оглядел лагерь. Десятки лиц. Десятки судеб. Восемь дней до того, как половина из них ляжет в землю.

– Ефимыч, – сказал он тихо. – Вам пистолет доверяют?

– А то. Я ж сапёр старший. А что?

– Снимите с предохранителя. И не теряйте его.

Старик усмехнулся, но пружину спускового крючка всё-таки проверил.

Вечером того же дня Денис сидел у костра, листал карту и делал пометки.

Точка номер один. Мост через Буг у деревни Олтуш. По нему пойдут танки 3-й танковой группы. Если заложить фугас под центральную опору – наведение понтонной переправы займёт на шесть часов больше.

Точка номер два. Перекрёсток дорог у Малой Звонки. Узкое место. Два поля по бокам. Идеально для минного поля смешанного типа. Противопехотные против танковых – в шахматном порядке.

Точка номер три. Мост через Лесную. Мелкий, деревянный, но по нему – единственная дорога на Кобрин. Немцы пойдут именно здесь. Он знал. Он видел архивные карты. Он помнил схемы.

– Родин, – окликнули из темноты.

Денис поднял голову. Перед ним стоял молодой лейтенант Голубев – тот, с горячечными пятнами, которого Панфилов выгнал из палатки.

– Слушаю вас, товарищ лейтенант.

– Вы правда верите, что война начнётся? – Голос у Голубева был тихий, почти детский. – Не боитесь, что завтра вас арестуют?

– Завтра – нет, – Денис сложил карту. – Послезавтра – возможно. Но война начнётся. И тогда будет не до арестов.

– Я хочу вам помочь, – выпалил Голубев. – Я... я тоже вижу. Не так ясно, как вы. Но чувствую. Внутри. Как будто кто-то шепчет: «Готовься, скоро».

Денис долго смотрел на него. Мальчишка. Двадцать три года. В петлицах – кубик лейтенанта, полученный, наверное, за ускоренные курсы.

– Поможете, – сказал Денис. – Возвращайтесь в свою часть. И запомните три даты: двадцать второе июня, двадцать пятое июня, третье июля. В эти дни сдавайте позиции только по прямому приказу Москвы. Ничего, что говорят комбаты. Только Москва.

– Почему?

– Потому что комбаты тоже будут в панике. А приказа отступать нет.

Голубев кивнул, развернулся и исчез в темноте.

Ночью Денис не спал.

Он лежал на нарах, слушал, как храпит Ефимыч, и перебирал в голове варианты.

Словами не доказать. Приказами не добиться. Даже если Панфилов – союзник, он всего лишь старший лейтенант. Его власть кончается за пределами роты.

Оставалось одно – тихая диверсия.

Ставить мины там, где враг ещё не появился. Взрывать мосты, пока по ним не пошли танки. Убивать будущее. Тихо. Незаметно. Так, чтобы свои не поняли, чужие – не успели.

«Восемь дней, – подумал Денис. – Восемь дней, чтобы изменить первую катастрофу».

Он закрыл глаза.

В ушах зазвучали голоса – те, что он слышал в музее Брестской крепости, на экскурсиях, в записях. Неживые, плёночные:

«Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина».

Он не хотел слышать эти голоса. Он хотел, чтобы их не было.

Потому что, если он здесь – значит, кто-то должен их заткнуть. Взрывом. Всё сразу.

Вся эта святая, проклятая, выжженная война.

Служебная записка (копия, изъятая особистом)

Кому: Командиру 7-го исб майору Дробышеву

От: лейтенанта госбезопасности Серебровского

Согласно наблюдению за кр-цем Родиным Д.И., 1907 г.р., зафиксированы разговоры панического характера с лейтенантом Голубевым (156-й сп) и красноармейцем Ефимычевым (18-я оиср).

Рекомендую изолировать Родина в штрафном подразделении до выяснения источников его информации. Подозреваю контакт с иностранной разведкой.

15.06.1941

Резолюция майора Дробышева:

«Оставить, как есть. Пусть роет. В случае боевой тревоги – использовать в первую смену.

Не усложняйте.»

Глава 4. Чужие тоннели

Взвод, куда определили Дениса, назывался сапёрным только по штатному расписанию.

В реальности это были девятнадцать мужиков, которых свозили из госпиталей, фильтрационных лагерей и дисбатов, давали лопаты и отправляли копать. Некоторые умели ставить мины. Двое умели их обезвреживать. Остальные умели только копать. И умирать.

– За мной, провидец, – позвал Ефимыч.

Он привёл Дениса к землянке, которая отличалась от соседних только обгоревшим колом у входа. Внутри – нары в три яруса, запах портянок, кислой капусты и влажного дерева. У стенки – лопаты в деревянном стеллаже, ящики со взрывчаткой, ручные гранаты без запалов.

– Это наша кунсткамера, – сказал Ефимыч. – Знакомься, орлы.

С наров поднялись несколько фигур.

Первый – старшина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Лет пятьдесят, петлицы красноармейские, но выправка – из другого века. Спина прямая, руки в карманах, взгляд – усталый, всё видевший.

– Старшина Кузьма Демьянович Бережной, – представился он. – Гражданскую прошёл. Приказано тебя принять и обучить. – Он оглядел Дениса с ног до головы. – Маленький. Хлипкий. Но глаза умные. Это плюс.

– А минус?

– Минус – язык длинный. Такие долго не живут.

Второй – взводный, старший сержант с петлицами, на которых когда-то были кубики. Сбит с должности? Разжалован? Лицо циничное, губы в вечной насмешке.

– Павел Сергеевич Жгут, – бросил он, не протягивая руки. – Для вас, салага, – «товарищ старший сержант». И не лезьте ко мне со своими пророчествами. Я в приметы не верю. Только в тротил.

Остальные представляться не стали. Просто кивнули. Денис насчитал четырнадцать человек в землянке и пятерых на улице. Всего девятнадцать.

Девятнадцать человек, которым предстояло умереть через четыре дня.

Первое утро в сапёрном взводе началось с того, что Жгут выстроил их на плацу и прочитал лекцию о том, как закапывать противопехотные мины.

– ОЗМ-72, – он поднял зубастый круглый диск. – «Ведьма». Ставится на управляемом взрывателе или на натяжном датчике цели. Принцип действия: выдергивается чек, стреляет выбрасывающий заряд, мина взлетает на полметра, рвётся на уровне пояса. Осколки – как лезвия. Один такой «лепесток» режет кость, как сало.

Красноармейцы слушали молча. Кто-то курил, зажав папиросу в кулаке. Кто-то чесался. Только молодой парень с редкими усиками – Денис запомнил его как Воробьёва – слушал с открытым ртом.

– Вопросы? – Жгут обвёл взгляд строй.

– А детонировать чем? – спросил Денис.

Жгут сощурился.

– А ты грамотный, провидец. Детонировать – ЭДП. Электродетонатор. Если есть ток – от подрывной машинки. Если нет – бикфордов шнур. Минимальное зажигание – одна минута на метр. Запомнил?

– Запомнил.

– А теперь постройте на полигон. – Жгут махнул головой в сторону леса. – Будете учиться ставить мины там, где я скажу. Не там, где вы хотите.

Полигоном оказалось свежевспаханное поле за крепостным валом. Место, где ни сегодня, ни завтра никто не ходил. Идеальное для учений. Идеальное для мин.

Денис копал вместе со всеми. Лопата казалась непривычно лёгкой – он привык к механизмам, к гидравлике, к тому, что землю вскрывают экскаваторы. Здесь экскаватором была спина.

Рядом работал Ефимыч. Без лишних слов, методично, с такой экономией движений, что Денис позавидовал.

– Ты откуда такой взялся? – спросил Ефимыч, не поднимая головы. – Инженер, говоришь. А лопатой работать не умеешь.

– Умею, – буркнул Денис. – Просто медленно.

– Медленно – это смерть. – Ефимыч воткнул лопату в землю. – Знаешь, сколько я времени трачу на установку фугаса, если нужно быстро? Пять минут. Три – на яму, две – на заряд. Всё остальное – лирика.

– Пять минут – это до прихода немцев?

– Это до прихода своих. – Ефимыч усмехнулся. – Свои – они быстрее. У них танки.

Денис замолчал. Он вдруг остро, физически ощутил, в каком времени оказался. Здесь скорость определяла жизнь. И смерть.

После обеда Жгут дал вольную.

– Копайте свои ямы, где хотите, – сказал он. – Только чтоб я их не видел. Имитируете минные поля. Завтра проверю.

Сапёры разбрелись по полю, как муравьи. Кто-то пошёл к лесу – там земля мягче. Кто-то остался на солнцепёке. Денис подошёл к старшине Бережному.

– Кузьма Демьянович, можно вопрос?

– Валяй.

– Вы в Гражданскую воевали? Сапёром?

Бережной поставил лопату вертикально, опёрся на черенок.

– Конным разведчиком, – сказал он. – Под Перекопом. Там потом инженерные войска подтянули – окопы рыть, колючку резать. Так и стал сапёром. – Он помолчал. – А ты что, сорок первый ждёшь, как все?

– Нет, – Денис опустил голос. – Я знаю, что он будет. И знаю когда.

Бережной посмотрел на него долгим, спокойным взглядом.

– Знаешь, говоришь. – Он вынул из кармана кисет, скрутил сигарку. – А то, что наши войска у границы стоят – это тоже знаешь? Что приказа об отступлении нет – знаешь? Что, если немцы начнут, мы просто умрём там, где стоим?

– Знаю. Потому я здесь.

– Здесь ты затем, чтобы мины ставить. А не пророчествовать. – Бережной затянулся, выпустил дым в небо. – Ты, паря, думаешь, мы идиоты? Мы все чувствуем. Пехоту уже месяц не выводят из окопов. Лётчики по ночам не спят – слушают моторы. Командиры хорошие, которые раньше в карты играли, теперь карты жгут – слишком много знают.

– И что? – Денис не понял.

– А то, что знание без действия – трусость. – Бережной погасил сигарку о подошву. – Ты знаешь? Действуй. Но не ной. Здесь нытьё не лечат.

Он взял лопату и продолжил копать.

Вечером, когда сапёры мылись в походной бане – бочке с горячей водой под тентом, – Денис услышал разговор.

Двое молодых, Воробьёв и Кравченко, стояли в стороне, намыливали спины.

– Слышь, Кравч, а правда, что немцы придут? – голос Воробьёва был тихим, подростковым.

– Какие немцы? – отозвался Кравченко. – У нас пакт о ненападении. Не придут.

– А Родин говорит, что придут.

– Родин – псих. Его за такие слова расстрелять надо, а он тут мины учится ставить. Не слушай его.

Денис закрыл глаза. Сквозь шум воды он слышал эти голоса и знал, что ровно через неделю оба – и Воробьёв, и Кравченко – будут лежать в траве у моста. Воробьёв – с перебитым позвоночником. Кравченко – безногий, истекающий кровью.

Он хотел сказать им. Предупредить. Попросить отойти вглубь, не держать оборону на первой линии.

Но зачем? Они не поверят. Или поверят – и дезертируют. И их расстреляют свои же.

– Не лезь, – сказал ему Ефимыч, появившийся из темноты. – Не лезь в чужие головы, Родин. Свою бы спасти.

Ночью Денис не спал.

Он лежал на нарах – третьем ярусе, под самым потолком, – и слушал, как дышат девятнадцать человек.

В землянке было душно. Пахло потом, махоркой, дешёвым мылом. Кто-то всхлипывал во сне – Денис не знал кто, и не хотел знать. Слишком личное. Слишком человеческое.

«Четыре дня, – думал он. – Четыре дня, чтобы научить их ставить мины так, чтобы это имело смысл. Четыре дня, чтобы заложить фугасы там, где их никто не ждёт. Четыре дня, чтобы превратить эту роту из смертников в...»

Во что? В оружие? В призраков?

Он вспомнил документальные кадры: сапёры 1941 года – босиком, без лопат, с гранатами на поясе. Они бежали под пулемёты, потому что кто-то должен был сжечь мост. Они взрывали переправы вместе с собой, потому что у детонаторов не хватало шнура.

Они не были героями. Они были единственным тормозом для танков.

– Ефимыч, – прошептал Денис.

– М? – Старик не спал. Сидел внизу, курил в темноте, спрятав огонёк в ладонях.

– Завтра пойдём ставить мины. По-настоящему.

– Куда?

– На мост. И на дороги.

– Без приказа?

– Без.

Ефимыч выдержал паузу.

– Молодой, – сказал он наконец. – А ты часом не бессмертный?

– Нет, – ответил Денис. – Просто мёртвый. Только ещё не знаю когда.

Старик хмыкнул, погасил сигарку.

– Ладно. Завтра так завтра. – Он лёг на нары, повернулся к стене. – Только одно условие: если поймут – я ничего не знал. И тебя не знаю. Понял?

– Понял.

– Тогда спи. Завтра много копать.

Они замолчали.

В землянке кто-то запел во сне – тонко, по-бабьи. Кто-то скрипел зубами.

Денис закрыл глаза и вдруг ясно, как в кино, увидел, что будет послезавтра.

Сапёры строятся на плацу. Жгут зачитывает приказ. Выступают на рассвете. Занимают позиции у моста через Буг. Немцы приходят через час. Первый снайпер бьёт Жгуту в голову. Потом миномёты. Потом...

Он открыл глаза.

Сердце колотилось так, что, казалось, его слышит вся землянка.

«Четыре дня, – повторил он мысленно. – Четыре дня. Успею».

Он не знал, что именно успеет. Но выбора не было.

Утром шестнадцатого июня Денис стоял перед складом прапорщика Ковальчука и ждал взрывчатку.

Прапорщик – пожилой, с седыми усами и татуировкой на пальцах («Не забуду мать») – долго сверял накладную, подписанную Панфиловым.

– Восемнадцать килограмм тротила, – пробормотал он. – Бикфордов шнур – двадцать метров. Капсюли-детонаторы – десять штук. Поясни, сапёр, на кой тебе столько?

– Спецзадание, – отрезал Денис.

– Знаю я ваши спецзадания. Мосты минировать. – Ковальчук прищурился. – Только ведь у нас мостов-то – три. А ты берёшь на шесть.

Денис не ответил.

Прапорщик помолчал, потом толкнул ящик через прилавок.

– Бери, провидец. Бери. Только запомни: взрывчатка – это не картошка. Протухнет – не выбросишь.

Денис взвалил ящик на плечо.

Вышел на улицу. Солнце стояло в зените, слепило глаза. Пахло полынью и тревогой.

Он пошёл к мосту.

На полях дневника (запись карандашом, почти неразборчиво)

16.06.41

Бережной – старый волк. Верит, но проверяет. Жгут – циничный садист, но профессионал. Ефимыч – единственный, кто пойдёт со мной без вопросов. Остальные – пассажиры.

Я знаю, кто из них умрёт на мосту. Я знаю, кто успеет отползти. Я знаю, кто подорвёт себя вместе с фугасом, потому что не успеет уйти.

Я не знаю только одного: как посмотреть им в глаза завтра.

Сегодня мы ставим мины. Сегодня мы делаем то, что должны были сделать штабы.

Завтра – 17-е.

Послезавтра – 18-е.

22-е – пусть приходят. Я буду готов.

Глава 5. Где ляжет тень

В два часа ночи семнадцатого июня Денис вышел из землянки.

Небо было чистым, звёздным – таким, какое бывает только перед большой бедой. Ни облачка. Луна стояла низко, подсвечивая крепостные стены с одной стороны и оставляя в глубокой тени дорогу к мосту.

Он нёс двадцать три килограмма.

Тротил – в брезентовых мешках, по полкило каждый. Бикфордов шнур – мотком на шею. Капсюли-детонаторы – отдельно, в деревянной шкатулке с надписью «Осторожно, взрывоопасно». Сапёрная лопатка, кусачки, изолента, компас.

Всё это хозяйство перетянуто ремнями так, чтобы не звенело. Денис шагал по-особенному, крадучись, перекатом с пятки на носок – учили на курсах выживания, но тогда казалось лишним. Сейчас – нет.

За спиной остался лагерь. Часовой у ворот спал стоя – Денис заметил это ещё днём. Старшина Бережной, как назло, проснулся и спросил: «Куда?» – «Отлить», – ответил Денис. Бережной закрыл глаза.

Хороший старшина. Не задаёт лишних вопросов.

Дорога к мосту заняла сорок минут.

Денис шёл лесом, обходя деревни, потому что в деревнях собаки. Собаки лают на чужих. А чужих в сорок первом не было – все были свои. Но Денис чувствовал себя чужим. Насквозь. До костей.

Мост через Буг открылся внезапно – из-за поворота: железобетонная конструкция, одна опора в воде, две на берегах. Довоенная постройка. Качественная. Такие, как говорил Ефимыч, взрывать жалко.

Но взрывать придётся.

Денис залёг в кустах в ста метрах от моста. Достал бинокль – обычный, армейский, четвёртой кратности, выданный на складе «для проверки местности».

Ни души. Мост как мост. Только на том берегу темнота – даже огоньков не видно.

«Они там, – подумал Денис. – Ждут. Инженерные батальоны вермахта, диверсанты в гражданском. У них карты лучше наших. У них приказы. У них – уверенность».

Он отложил бинокль.

Первая проблема возникла сразу: мост охранялся.

Не серьёзно, не по-боевому – но охранялся. Двое красноармейцев с винтовками, по одному с каждого конца. У того, что со стороны леса, – полевой телефон. Денис видел провод, тянущийся от будки в сторону штаба.

Убрать часовых? Связать? Убить? Нет. Он не убийца. И трупы привлекут внимание.

Значит, нужно работать так, чтобы их не тревожить. И чтобы они не заметили.

Он обошёл мост по берегу, спустился к воде. Буг в этом месте был широким – метров сорок, – но неглубоким. Дно песчаное, берег пологий. Идеальное место для подхода.

Вода оказалась ледяной.

Денис вошёл по пояс, стараясь не шуметь. Тротил поднял над головой, чтобы не намочить. Бикфордов шнур – на шее, так безопаснее.

Он двигался вдоль опоры, нащупывая сапогом каменистый выступ. Вода доходила до груди, потом до подбородка. Холод перехватывал дыхание, но Денис заставлял себя дышать ровно.

«Терпи, – говорил он себе. – Ты же сапёр. Ты должен привыкнуть».

Он не должен был. Никто не должен привыкать к ледяной воде в четыре утра.

Закладка заняла два часа.

Первая опора – центральная, самая массивная. Денис привязал троичный мешок к арматуре, выступающей из бетона. Закрепил капсуль-детонатор. Протянул бикфордов шнур к берегу – так, чтобы отрезать лишнее потом.

Три килограмма на опору. Шесть – на пролёт. Итого – двенадцать на мост.

Он работал в темноте, на ощупь, стараясь не думать о том, что любая ошибка – и он разлетится на куски. Детонаторы были старые, времён ещё Финской. Капсули могли быть с микротрещинами. Бикфордов шнур – отсыревшим.

Но выбора не было.

В четвёртом часу, когда небо начало сереть, Денис закончил. Он проверил каждое крепление, каждую связку. Всё было надёжно. Всё – на пределе его инженерных возможностей.

Оставалось только одно: спрятать концы шнура так, чтобы их не нашли случайно.

Он закопал их в прибрежном песке, присыпал листвой, сверху положил камень. Немцы, если придут к мосту раньше него, могут найти. Но не должны. Если будут спешить – не будут смотреть под ноги.

На обратном пути Денис услышал шаги.

Кто-то шёл по дороге – не солдат, судя по походке. Гражданский. Один. Без фонаря.

Денис скатился в кювет, прижался к земле. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышит вся округа.

Человек прошёл мимо. В свете набирающей силу зари Денис разглядел пиджак, кепку, портфель. Учитель? Чиновник? Не важно. Главное – не заметил.

Денис выждал пять минут, потом поднялся и пошёл дальше.

В лагерь он вернулся в половине шестого утра. Часовой всё так же спал. Землянка – тихая, с открытым входом.

Он скинул мокрую одежду, растёрся сухим полотенцем (своим, не казённым – заначил), лёг на нары.

Никто не проснулся.

Денис уснул мгновенно – и увидел сон.

Ему снился мост. Тот самый, через Буг. Только не ночной, а дневной, залитый солнцем. По мосту шли танки – немецкие, с крестами на броне. Тридцать штук. Может, больше.

Он стоял на берегу, в руке – подрывная машинка. Взрыватель – механический, допотопный, с рукояткой и клеммами.

Рука не двигалась.

Он пытался нажать на рычаг – не получалось. Танки ехали всё ближе. Первый уже на середине моста. Второй – за ним. Третий.

Пальцы не слушались.

Денис проснулся в холодном поту. В ушах стоял гул – то ли сердце, то ли далёкая канонада.

Было утро. За стенкой землянки голосил петух.

– Ты чего бледный? – спросил Ефимыч, когда Денис выбрался на улицу.

– Плохо спал.

– Руки трясутся. Покури.

Денис взял сигарку, затянулся. Горло обожгло – он не курил, сдал экзамен по физо на отлично, но сейчас это было неважно.

– Ефимыч, – сказал он. – Если я скажу, что ночью ставил мину на мосту, вы мне поверите?

– Поверю. – Старик невозмутимо ковырял лопатой землю. – Ты же провидец. Тебе можно.

– Не смейтесь.

– А я не смеюсь. – Ефимыч остановился, посмотрел на Дениса серьёзно. – Ты, паря, главное – не геройствуй. Одна мина – хорошо. Две – лучше. Но если поймают – взгреют так, что своих не узнаешь.

– Не поймают.

– Дай-то бог.

Они замолчали. Солнце поднималось выше, обещая жаркий день.

Днём Денис работал вместе со взводом – копал противотанковые рвы в двух километрах от лагеря.

Земля была сухая, твёрдая. Лопата звякала о камни. Пот заливал глаза, спина ныла после бессонной ночи. Но он копал, потому что копали все. И потому что не хотел выделяться.

В обеденный перерыв к нему подошёл Жгут.

– Родин, – сказал он тихо, чтобы не слышали остальные. – Я за вами вчера наблюдал. Вы из землянки вышли в два ночи. Вернулись в пять утра. Где вы были?

– В туалете, товарищ старший сержант.

– Долго вы ходите.

– Запор.

Жгут усмехнулся. Недобро.

– Знаете, Родин, что бывает с теми, кто ворует взрывчатку? – Он наклонился к самому уху. – Трибунал. Расстрел. Хоронили не будут.

– Я не воровал, – сказал Денис, глядя ему прямо в глаза. – Всё по накладной.

– Накладная – бумажка. А мешки с тротилом я вчера пересчитывал. Не хватает двенадцати килограмм.

Денис молчал.

– Я не буду докладывать, – продолжил Жгут. – Пока. Но вы мне скажете, куда дели взрывчатку. Или я сам узнаю. И тогда – пеняйте на себя.

Он развернулся и ушёл.

Денис остался стоять на солнце, чувствуя, как по спине течёт холодный пот, не имеющий никакого отношения к жаре.

Вечером Денис снова пошёл на мост.

На этот раз – тем же путём, в те же часы. С тем же грузом. С теми же мыслями.

Он заложил ещё шесть килограмм – под крайнюю опору, ту, что со стороны леса. Если взорвать её – мост рухнет в воду, даже если центральная опора уцелеет.

Двойная страховка.

Работал быстрее, чем в первый раз. Увереннее. Руки уже не тряслись. Холодная вода не казалась ледяной – просто холодной.

«Привыкаешь, – подумал он. – Ко всему привыкаешь. К холоду. К взрывчатке. К мысли, что через пять дней здесь будут танки».

Он вернулся в лагерь в половине пятого. Часовой не спал – курил, глядя на звезды.

– Ты кто? – спросил он, когда Денис подошёл к воротам.

– Сапёр, – ответил Денис. – Родин. Иду с задания.

– С какого?

– С секретного.

Часовой хотел спросить ещё, но Денис уже проскользнул мимо, слишком быстрый, слишком уверенный, чтобы его останавливать.

В ту ночь сон был другим.

Горели мосты. Все. Которые Денис успел заминировать, и те, до которых не добрался. Огонь поднимался высоко, лизал небо. В огне стояли люди – не кричали. Просто стояли и смотрели.

Один из них обернулся. У него было лицо Дениса.

– Ты успел? – спросил он.

Денис хотел ответить, но проснулся.

В землянке было тихо. Кто-то храпел. Кто-то молился во сне – шептал, не разбирая слов.

Он сел на нарах, обхватил голову руками и просидел так до утра.

До двадцать второго июня оставалось пять дней.

Служебная записка (входящая, адресованная майору Дробышеву)

Тов. майор.

Докладываю, что красноармеец Родин Д.И. систематически отсутствует в расположении роты в ночное время. При проверке склада ВВ выявлена недостача тротильных шашек в количестве 18 кг и бикфордова шнура 45 м.

Прошу разрешить обыск личных вещей и места проживания Родина.

Ст. сержант Жгут П.С.

17.06.1941

Резолюция:

«Оставить, как есть. Родин действует с моего ведома. Вопрос закрыт.

Майор Дробышев»

Глава 6. Первый гром (22 июня, 03:15)

Он проснулся за минуту до конца света.

Так бывает с солдатами на передовой – внутренние часы, откалиброванные смертью, дают фору. Денис открыл глаза за шестьдесят секунд до того, как небо разорвалось на части.

В землянке было темно. Пахло сном, потом, махоркой. Кто-то всхрипнул. Кто-то про-
бормотал во сне что-то неразборчивое.

Денис сел на нарах. Сердце колотилось ровно и тяжело, как насос. Он ждал этого момента пять дней – с тех пор как заложил первый фугас под мостом через Буг.

Пять дней. Семь ночных выходов. Тридцать девять килограмм тротила. Шесть минных закладок. Три моста. Два перекрёстка. Одна железнодорожная насыпь.

Он сделал всё, что мог.

Теперь оставалось только ждать.

В 03:15 небо взорвалось.

Не фигурально. Не метафорически. Не как в кино – с красивыми замедленными съёмками. По-настоящему. Тысячами стволов, десятками калибров, всем артиллерийским парком вермахта, обрушенным на спящую границу.

Первым пришёл звук. Не гром – гром – это когда один удар. Здесь было тысяча ударов, слившихся в один сплошной, всепроникающий, нечеловеческий рёв, от которого заложило уши и заболели зубы.

Потом пришла дрожь. Земля подскочила и задрожала, как живая. С потолка землянки посыпалась земля. Треснула балка. Где-то закричали – высоко, по-детски, не по-солдатски.

– Война! – заорал кто-то. – Война, суки!

Денис уже был на ногах.

– Вставайте! – заорал он во весь голос, перекрывая грохот. – Подъём! Тревога! Реальная!

Землянка взорвалась движением.

Кто-то хватал сапоги, кто-то – винтовки, кто-то просто сидел на нарах с открытым ртом, не понимая, что происходит. В углу молился красноармеец – истово, с крестным знаменем, глядя в темноту.

– Отставить молитвы! – рявкнул Ефимыч, появляясь из темноты, как привидение. – Берем лопаты, взрывчатку, детонаторы. Мины – к бою! Живо!

Денис выскочил наружу.

То, что он увидел, не поддавалось описанию.

Небо горело. Не метафорически – буквально. Западный горизонт полыхал оранжевым, красным, белёсым – это рвались склады, цистерны с горючим, боеприпасы. Самолёты – тяжёлые, с крестами на крыльях – проходили над головой волна за волной, сбрасывая бомбы на аэродромы, казармы, штабы.

В лагере было адово.

Палатки горели. Люди бегали без оружия, без формы, без цели. Командиров не было слышно – их голоса тонули в грохоте. Где-то в стороне крепости уже стреляли из всего, что могло стрелять, – очереди, одиночные выстрелы, пулемётные очереди.

– Родин! – Денис обернулся. Перед ним стоял Панфилов – в накинутой на голое тело гимнастёрке, босиком, с пистолетом в руке. Глаза бешеные, но голос твёрдый. – Ваши фугасы?

– Мост через Буг – готов. Южный перекрёсток – заминирован. Мост у Лесной – на ручном взрывателе.

– Детонаторы?

– Выведены к берегу. Можно рвать с ПДУ.

Панфилов кивнул.

– Идите к мосту. Взрывайте по готовности противника. – Он сунул Денису в руку подрывную машинку – старую, допотопную, с рукояткой-«лягушкой». – Вернётесь – доложите.

– А вы?

– Я – в штаб. Попробую вытащить людей из-под бомбёжки. – Он развернулся и побежал в сторону крепости, разбрызгивая босыми ногами грязь.

Денис посмотрел на машинку. Потом – на небо, где снова заходили на цель «юнкеры».

– Ефимыч! – заорал он. – За мной!

До моста они добежали за двадцать минут.

Это были самые длинные двадцать минут в жизни Дениса. По дороге их дважды обстреляли – сначала с земли, потом с воздуха. Немецкий истребитель пронёсся на бреющем, строча из пулемётов по всему, что двигалось. Денис упал в канаву, Ефимыч – рядом.

– Где наши? – спросил старик, когда самолёт ушёл.

– Не знаю. – Денис поднял голову. – Может, никто не успел.

Они побежали дальше.

Мост был на месте.

Денис узнал его сразу – железобетонная дуга, уходящая в утреннюю дымку. На том берегу уже стреляли – автоматные очереди, пулемёты. Немцы. Диверсанты.

– Они на подходе, – сказал Денис, падая на колени у берега. Начал откапывать бикфордов шнур – там, где закопал пять дней назад.

Руки дрожали. Песок не поддавался – слёжился, пропитался водой.

– Давай я, – сказал Ефимыч, отстраняя его. Раскопал шнур за три секунды. – Живо, к машинке.

Подрывная машинка ПДУ-2 – это металлическая коробка с динамо-машиной внутри. Принцип прост: резко поворачиваешь рукоятку – вырабатывается ток – детонатор срабатывает. Если повезёт.

Денис подсоединил клеммы. Один провод к детонатору на центральной опоре, второй – к земле. Взглянул на мост.

По ту сторону уже бежали люди. Немецкие солдаты – серые, приземистые, с автоматами наперевес. Первые. За ними – мотоциклы с колясками. За ними – танки.

– Давай! – заорал Ефимыч.

Денис рванул рычаг.

Ничего не произошло.

Секунда показалась вечностью.

Денис повернул рычаг снова – сильнее, жёстче, с такой силой, что чуть не сломал запястье. Машинка взвыла – раз, второй.

Мост вздрогнул.

Сначала пошла трещина по асфальтовому покрытию – тонкая, почти незаметная. Потом центральная опора выгнулась наружу, как живая. Бетон закрипел – скрежет был слышен даже сквозь грохот канонады.

Немцы на мосту остановились. Кто-то крикнул – отрывисто, командно. Начали разворачиваться.

Было поздно.

Денис рванул рычаг в третий – последний – раз.

Взрыв разметал мост в клочья.

Дениса отбросило ударной волной на десять метров – он ударился спиной о дерево, выдохнул весь воздух, закашлялся кровью. В ушах звенело – высоко, противно, как после концерта у колонок.

Он поднял голову.

Моста не было.

Там, где час назад стояла железобетонная конструкция, теперь зияла дыра – чёрная, дымная, с торчащими из воды искореженными балками. Снаряды взрывались на обоих берегах – но уже не имело значения.

Первый танк, так и не доехавший до середины, лежал на боку в воде, гусеницы вращались в воздухе.

Немцы, уцелевшие на этом берегу, залегли – человек пятнадцать, не больше. Остальные утонули или погибли при взрыве.

– Ефимыч! – крикнул Денис, не слыша собственного голоса. – Ефимыч!

Старик лежал в десяти метрах, лицом вниз, не шевелился.

Денис подполз к нему на четвереньках.

Кровь. Много крови. Спина пробита осколками – бетонными, мелкими, острыми. Ефимыч дышал – хрипло, с бульканьем.

– Паря, – прошептал он, не открывая глаз. – Рвануло?

– Рвануло, Ефимыч. Моста нет.

– И немцы?

– Тоже нет.

Старик улыбнулся. Кровь потекла по губам.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, не зря.

– Ефимыч, я вас перевяжу, сейчас, – Денис начал рвать гимнастёрку на полосы.

– Не надо, – старик открыл глаза. Светлые, ясные, почти детские. – Я своё откопал. А ты – дальше. – Он протянул руку, сжал пальцы Дениса с неожиданной силой. – Ты теперь за нас всех. За Воробьёва. За Кравченко. За... – Он закашлялся. – За меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.